

Религия, общество, государство

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (450077, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6; mdregm@yandex.ru)

РЕЛИГИЯ И ВЛАСТЬ В РОССИИ В XX–XXI вв.: ТРИ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается последовательная смена трех моделей государственной конфессиональной политики в России в XX–XXI вв. Отмечено, что для монархической России было характерно клерикальное (конфессиональное) государство, для буржуазного периода российской истории – проведение реформ, обеспечивших религиозную свободу, для советской эпохи – строительство атеистического государства. Особое внимание уделяется современному периоду – процессу становления новой (отдельной, а затем кооперационной) модели государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: модель государственно-конфессиональных отношений, светское государство, Россия

Сегодня мир является свидетелем исключительной роли религиозного фактора в мире. Одна из причин этого видится в объективных процессах складывания нового миропорядка, последствия которого вынуждают ученых исследовать вопросы политизации религии, использования ее ценностей, атрибутов и символов в чисто политических целях. Трагические события последних лет, происходящие в удаленных друг от друга уголках земного шара, но связанные использованием религии в качестве своеобразного знамени протеста и политических амбиций, все больше показывают нерасчлененность политических и религиозных понятий в современном мире. Поэтому, наш взгляд, приоритетной задачей политики Российского государства в сфере свободы совести является выработка оптимальной модели, основанной на разумном балансе учета современных изменений роли религиозного фактора в политике и конструктивного российского опыта мирного сосуществования конфессий.

Исторический опыт показывает, что в XX в. в России последовательно сменились три модели государственной конфессиональной политики. Для монархической России было характерно клерикальное (конфессиональное) православно-христианское государство. В Российской империи существовала четырехуровневая правовая градация вероисповеданий, каждое из которых занимало в ней определенное место и наделялось соответствующим объемом прав или лишалось их. Такая политика определялась прежде всего идеологическими соображениями и национально-политическими факторами. На вершине конфессиональной иерархической структуры располагалась православная церковь, занимавшая исключительное положение в общественно-политической системе Российского государства, служившая идеологической опорой его внутренней и внешней политики. Ступенью ниже находились «признанные терпимыми» исповедания и их приверженцы – католики, протестанты (лютеране и реформаты), иудеи, мусульмане, буддисты [Вероисповедная политика... 2005: 21]. Среди прочих специфических черт вероисповедной политики государства в дореволюционной России можно выделить: вмешательство во внутреннюю жизнь других конфессий; стремление к ограничению «иностранных» и «иноверных» религий строго национальными рамками; непризнание права личности на религиозное самоопределение и т.д.

Что касается изменения религиозного мировоззрения, то в России оно было тесно связано с процессом европеизации и имело циклический характер. По мнению Ю.Ю. Синелиной, процесс секуляризации начинался в среде высшего общества, а затем охватывал все образованное общество. Постепенно в этот процесс вступали новые слои общества. Автор выделяет 3 больших цикла секуляризации. Первый – в высших слоях общества (с реформ Петра I); второй – в среде разночинцев, средних классов общества, новой интеллигенции (с 1861 г.); третий – в среде рабочих и крестьян (примерно с 1905 г.) [Синелина 2004: 161].

Для буржуазного периода российской истории характерно проведение реформ, обеспечивших религиозную свободу. Именно Февральская революция положила начало строительству в России светского государства, главным принципом которого стало отделение церкви от государства. Постановлением от 14 июля 1917 г. было признано не только право перехода из одного вероисповедания в другое, но и вневероисповедное состояние; пользование гражданскими и политическими правами не ставилось больше в зависимость от принадлежности к вероисповеданию, никто не мог теперь преследоваться и ограничиваться в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры [Вероисповедная политика...2005: 38]. Однако Временное правительство оставило в неприкосновенности царские законы, определявшие отношения между государством и конфессиональными институтами – православной церковью, другими христианскими и нехристианскими организациями, в то время как политически активной частью общества, многими представителями инославных и иноверных религиозных организаций настойчиво выдвигались требования отделения церкви от государства и школы от церкви, правового равенства религий, введения гражданской метрикации и т.д.

Таким образом, вероисповедные реформы начала XX в. представляли собой существенный шаг в процессе перехода от феодальной к буржуазной модели государственно-конфессиональных отношений. Однако большинство провозглашенных принципов не получили законодательного закрепления, и столь ожидаемая российской прогрессивной общественностью буржуазная модель государственно-конфессиональных отношений так и не успела сложиться. После Октябрьской революции 1917 г. народы России были поставлены перед фактом радикального изменения места религии в их жизни.

Советская эпоха (1917–1991 гг.) сформировала свою, «советскую» модель государственно-конфессиональных отношений. Для нее характерны правовой запрет на религиозные убеждения, на деятельность религиозных объединений и всемерная поддержка государством одного мировоззренческого выбора – атеистического. Несмотря на то что в Конституции декларировалась светскость, предполагающая нейтральное отношение к религии, отделение религиозных объединений от государства, закреплялось право граждан на свободу совести, фактически политика государства была направлена на искоренение существующих на его территории исконных верований и недопущение появления новых религиозных групп и движений. В то же время, несмотря на сохранение своей сущностной основы, государственная религиозная политика в СССР претерпевала серьезные модификации, а гонения на верующих в годы советской власти имели волнообразный характер.

С середины 80-х гг. XX в. в нашей стране идет процесс формирования новой модели государственно-конфессиональных отношений в рамках светского типа государства. Отметим, что в рамках светского государства выделяются две основные модели политики, или формы государства: отделительная и кооперационная. В отделительной модели, или внеконфессиональном (аконфессиональном) государстве ведущим принципом является принцип равноудаленности всех (традиционных и новых) религиозных объединений от государства. Никакой церкви

не отдается предпочтение, осуществляется принцип невмешательства во внутренние дела как религиозной организации, так и государства. Кооперационная модель, или форма «культурного сотрудничества» предполагает отношения приоритетного государственного партнерства, сотрудничества по ряду важнейших вопросов в жизни общества с традиционными, наиболее распространенными конфессиями. Подавляющее большинство светских государств избрало две указанные модели государственно-конфессиональных отношений. К какой из этих моделей относится новая модель государственно-конфессиональных отношений в нашей стране?

На различных этапах своего развития она принимала разные формы. До середины 1990-х гг. шло складывание отделительной модели. Основой для нее послужил закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.). Его историческое значение заключалось в том, что государство перестало быть монополистом в духовной жизни общества и личности. Данным законом, либеральным по характеру, были созданы все условия для деятельности самых различных видов религиозных организаций. В то же время в государственно-религиозных отношениях стали проявляться деструктивные тенденции. Они проявились в распространении новых религий и иностранных религиозных миссий; в ослаблении дружественных связей различных конфессий; возникновении конфликтных ситуаций внутри самих конфессий; имели место политизация религии, дискредитация научных знаний о религии и др.

Позиция государства в данном вопросе была следующей: «верьте во что хотите и как хотите». Однако направленность на отделительную модель сохранялась короткое время – с 1990 по 1993 г. Начиная с 1994 г. можно говорить об ослаблении движения к отделительной модели государства и к свойственным этой форме государственно-конфессиональным отношениям.

1994–1997 гг. стали временем кризиса, когда ни государство, ни общество уже не устраивали прежние форма и модель политики в отношении религиозных объединений. Пришло понимание того, что любая свобода (будь то свобода совести, свобода убеждений) есть специфическое интимное состояние любого человека, связанное с внутренней свободой его воли. И как таковое оно находится вне сферы правового регулирования. А любая общественная деятельность, включая и осуществляемую по религиозным мотивам, обязательно подлежит тому или иному правовому регулированию, в т.ч. при необходимости она может быть ограничена и даже запрещена.

С середины 1990-х гг. государство встало на путь ужесточения религиозного законодательства, и в 1997 г. был принят новый закон о свободе совести, что положило начало новому этапу формирования российской политики в сфере свободы совести. Закон сдвинулся в сторону формы «культурного сотрудничества», или кооперационной модели. На практике государство начало осуществлять приоритетное сотрудничество с традиционными для России религиозными объединениями – православными, мусульманскими, иудаистскими и буддистскими – и стало проводить протекционистскую политику по отношению к ним. Но при этом наметился крен в сторону возрождения элементов вероисповедной политики, свойственной «конфессиональному государству» периода дореволюционной России.

С конца 1990-х гг. в российской государственной политике проявляется заметная унитаристская тенденция, в результате чего как центральная, так и региональная власть все более активно включается в регулирование религиозной жизни. Факт отделения духовных институтов верующих от государства зачастую является декларацией. Как показывает практика, роль государственных органов в жизни религиозных общин весьма значима. Не изжиты методы регулирования

деятельности религиозных организаций с помощью привлечения административного ресурса.

Таким образом, в государственно-конфессиональных отношениях существует противоречие между отделительной моделью государственной религиозной политики, зафиксированной в законодательстве, и фактически реализуемой кооперационной моделью. Данное противоречие накладывает отпечаток на все сферы отношения государства и религиозных организаций, особенно на те, в которых сложилось тесное сотрудничество, — социальную, культурную, образовательную и др. Так, например, неоднозначно идет процесс воссоздания военного духовенства в вооруженных силах нашей страны. Продолжаются дискуссии по поводу целесообразности введения религиозного компонента в учебный процесс в светских государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Актуальными проблемами остаются вопросы разработки и принятия концепции государственно-конфессиональных отношений, создания единого органа в области государственно-конфессиональных отношений в целях упорядочения и координации сотрудничества всех государственных ведомств, имеющих отношение к религиозным организациям. Политика на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также в различных субъектах нашей страны осуществляется с учетом сложившейся этноконфессиональной ситуации. В то же время она часто отличается и осуществляется в меру компетентности тех или иных госслужащих в вопросах религии и государственно-конфессиональных отношений. Тем не менее можно согласиться с мнением, что современной России ближе кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, которая предполагает отношения приоритетного государственного партнерства с традиционными для российской цивилизации вероисповеданиями в условиях полноценной реализации конституционных принципов свободы совести и вероисповедания для всех религиозных объединений, не несущих угрозу государственному суверенитету, территориальной целостности, общественному порядку и безопасности [Вера. Этнос... 2009: 144].

Таким образом, исторический опыт функционирования различных моделей государственно-конфессиональных отношений в XX–XXI вв. показал, что государство и религиозные институты — по сути своей разнородные начала, призванные действовать разными методами и в разных сферах. В дореволюционной России религии российских народов и государственная православная церковь наряду с другими компонентами являлись важнейшими государственно-нациеобразующими элементами, были неотъемлемой частью российской истории, культуры, менталитета. Эти элементы требуют к себе особого внимания и особого отношения. Их нельзя игнорировать, т.к. это может привести к напряжению в государственно-конфессиональных отношениях и — шире — во всем гражданском обществе. С другой стороны, признание за религией важной роли в духовной жизни не означает, что общество должно быть нацелено на всеобщую клерикализацию, на замену светских эталонов поведения религиозными. Правовая градация религий и конфессий может привести к межконфессиональному напряжению, всплеску этноконфессиональной нетерпимости. Представляется важным осуществлять удовлетворение разносторонних духовных потребностей человека, создать благоприятный морально-психологический климат в стране.

Список литературы

Вероисповедная политика российского государства: учебное пособие (отв. ред. М.О. Шахов). 2005. М.: Изд-во РАГС. 207 с.

Синелина Ю.Ю. 2004. *Секуляризация в социальной истории России*. М.: Academia. 216 с.

Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания (под ред. М.П. Мчедлова и др.). 2009. М.: Культурная революция. 400 с.

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher of the Department of Religious Studies, R.G. Kuseev Institute for Ethnological Studies, Ufa Science Center, Russian Academy of Sciences (6 Karla Marksa St, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450077; mdregm@yandex.ru)

RELIGION AND POWER IN RUSSIA IN THE 20TH–21ST CENTURIES: THREE MODELS OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

Abstract. The article discusses the succession of three models of state-confessional policy in Russia in the 20th–21st centuries. The author marked that the model of monarchist Russia was characterized by the clerical (religious) state, for the bourgeois period of Russian history the model was characterized by the reforms, which ensured religious freedom, for the Soviet era it was building of an atheistic state. Special attention is paid to the modern period – to the process of formation of new (separating, and then cooperative) model of state-confessional relations.

Keywords: model of state-confessional relations, secular state, Russia

УДК 294.3 (510)

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбикдоржиевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; chts17@mail.ru)

КИТАЙСКИЙ БУДДИЗМ ПРИ ПЕРВЫХ ИМПЕРАТОРАХ ДИНАСТИИ СЕВЕРНАЯ СУН

Аннотация. В статье изложены краткие историко-биографические сведения о первых четырех императорах династии Северная Сун (Тай-цзу, Тай-цзун, Чжэнь-цзун и Жэнь-цзун), а также об особенностях их религиозной политики в отношении буддийской сангхи. Автор делает вывод, что первые сунские императоры, как правило, прагматично использовали и поддерживали китайское буддийское духовенство и его вероучение для решения практических вопросов внутренней и внешней политики государства.

Ключевые слова: династия Северная Сун, Тай-цзу (Чжао Куан-инь), Тай-цзун (Чжао Куан-и), Чжэнь-цзун (Чжао Хэн), Жэнь-цзун (Чжао Чжэн), сунский прагматизм, индивидуализм, городская простонародная культура

Династия Северная Сун, названная в честь малой родины ее основателя Чжао Куан-иня (область Сунчжоу), охватывает период с 960 по 1127 гг., т.е. 167 лет. Она насчитывает в общей сложности 9 императоров царствующего дома Чжао, каждый из которых сыграл свою роль в истории династии. В статье мы кратко рассмотрим религиозную политику первых 4 сунских императоров, т.к. все последующие сунские императоры уже утратили свою самостоятельность и большую роль стали играть многочисленные канцлеры-временщики. Тем не менее эпоха Сун заслуженно считается одним из самых ярких периодов развития средневековой истории Китая. Именно в это время все четыре великих китайских изобре-